

щих подразделение больших рас (стр. 66). Чтобы опровергнуть это заявление, достаточно вспомнить о работах Т. А. Трофимовой по этногенезу восточных и западных славян или об исследованиях М. Г. Левина по этнической антропологии Дальнего Востока, в которых очень ценные выводы относительно происхождения народов обосновываются в значительной степени на базе выделения локальных антропологических типов. Мало убедительным представляется также рассуждение Г. Ф. Дебеца о необходимости исключить из основных классификационных признаков монголоидной большой расы высотный диаметр черепной коробки (стр. 72). Возражая против использования этого признака при дифференциальной диагностике континентальных и тихоокеанских монголоидов, Г. Ф. Дебец пишет: «Малые размеры этого диаметра действительно весьма распространены на севере, но отдельные локальные формы имеют сравнительно высокий череп, точно так же как низкий череп иногда встречается среди локальных форм тихоокеанских монголоидов, например, у тибетцев» (там же). Все это так, но ведь никто же не станет отрицать диагностического значения цвета кожи для выделения негро-австроидов на том основании, что у бушменов и готтентотов, например, кожа относительно светлая!

Крайне неудачен приведенный Г. Ф. Дебецом пример с понижением высотного диаметра у тибетцев (речь идет, очевидно, о восточных тибетцах провинции Кам). Высота черепа у них действительно несколько ниже, чем у большинства тихоокеанских монголоидов. Но ведь и по другим признакам — размерам горизонтальных диаметров черепа, его общей массивности и т. п. — тибетцы эти обнаруживают сходство с континентальными монголоидами, являясь как бы связующим звеном между двумя основными ветвями монголоидной большой расы: южной (тихоокеанской) и северной (континентальной). Таким образом, пример с тибетцами Кама отнюдь не опровергает, а скорее, напротив, подтверждает ценность высотного диаметра в качестве одного из важных признаков разграничения главнейших подразделений монголоидов. Незаконмерно, по нашему мнению, «отделяется» Г. Ф. Дебец и от таких случаев, выпадающих из его схемы, как явная низкоголовность алеутов (стр. 73—75) или относительная высокоголовность отдельных групп бурят и якутов (стр. 79—81). Отличия в высотном диаметре (как и в некоторых других признаках) от соседних крапниологических серий здесь просто объясняются результатом внутренней дифференциации тихоокеанских или континентальных монголоидов, действием среди них изоляции. Роль смещения с иными группами антропологических типов огульно отрицается. Между тем исторически вполне возможно как проникновение северных низкоголовых монголоидов на Алеутские острова, так и наличие в составе бурят и якутов относительно высокоголовых компонентов тихоокеанского тяготения. Нежелание считаться с реальными данными о географическом распределении вариантов высотного диаметра черепа на севере Азии является также одной из причин того, что Г. Ф. Дебец считает возможным палеосибирский тип неолитического населения Сибири рассматривать в качестве исходного для образования всех современных монголоидных типов этой области, в том числе и типов арктической группы (стр. 95). Вывод этот, однако, противоречит здравому смыслу, так как невозможно допустить, что низкоголовые «палеосибирцы» были непосредственными предками крайне высокоголовых представителей арктической группы монголоидов.

Причиной перечисленных ошибок Г. Ф. Дебеца в значительной степени является его пристрастие к анализу цифровых данных без достаточного учета реальных антропологических особенностей тех этнических групп населения, о которых идет речь. Формально логические рассуждения подчас отсвечивают на второй план действительные взаимоотношения между народами, которые далеко не всегда поддаются числовому выражению даже в рамках чисто антропологических вопросов. Переоценка цифровых выкладок еще подчеркивается тем, что в книге полностью отсутствуют какие-либо иллюстрации, кроме нескольких схем соотношения средних величин исследованных групп (стр. 70—72, 102—107). Если отсутствие фотографий живых людей, обследованных автором в Камчатской области, еще может быть в какой-то мере объяснено (но не оправдано!) трудностью фотосъемки в условиях Крайнего Севера, то отсутствие изображений черепов, изученных большей частью в Москве или Ленинграде, не поддается и такому объяснению. Как с точки зрения специалиста-антрополога, так и с точки зрения советского читателя — историка вообще (а на него и должна быть рассчитана рецензируемая книга), отсутствие иллюстраций в исследовании Г. Ф. Дебеца представляется очень серьезным недостатком. Надо надеяться, что в дальнейших выпусках Трудов Северо-восточной экспедиции недостаток этот (как и другие отмеченные выше) будет устранен.

Н. Н. Чебоксаров

НАРОДЫ СССР

Исторические песни. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л. Шептаева. «Советский писатель», Л., 1951. («Библиотека поэта». Малая серия, второе издание).

Во втором издании малой серии «Библиотеки поэта», основанной М. Горьким, вышел ряд сборников, посвященных отдельным жанрам русской народной поэзии

(«Былины», «Лирические песни», «Частушки»). Особо следует отметить выпуск, посвященный историческим песням. Исторические песни занимают в русском фольклоре значительное место и представляют большой интерес для этнографов, историков и литературоведов. Как правильно указывает Л. Шептаев во вступительной статье, «историческая песня раскрывает историческое сознание народа, его национальное самосознание. Она выражает отношение народа к историческому прошлому, оценивает его отдельные события» (стр. 5).

Ярко выраженный классовый характер оценок исторических фактов и исторических деятелей, коренным образом расхолившихся с оценками, дававшимися представителями господствующих классов, явился причиной пренебрежительного отношения к историческим песням (особенно более поздним, наиболее острым в социальном отношении) со стороны представителей дворянской и буржуазной науки. Для широкого читателя исторические песни до революции совсем не издавались¹. В лучшем случае исторические песни в очень ограниченном количестве (в основном только песни XVI—XVII вв.) включались в сборники избранных былин, как их придаток. Свод русских исторических песен, составленный В. Ф. Миллером и его учениками², предназначен для специалистов, к тому же он охватывает исторические песни только XVI—XVII вв. В сборнике М. Н. Сперанского³ исторические песни представлены неполно (опять-таки с упором на «старшие» песни) и неправильно истолковываются. Не были изданы сборники исторических песен для массового читателя и после Великой Октябрьской социалистической революции. В сборнике А. М. Астаховой⁴ дано всего 23 песни, что, конечно, далеко не исчерпывает всего богатства русских исторических песен, причем все песни даны в записях, сделанных на Севере, где репертуар исторической песни очень ограничен и где эти песни подверглись сильному воздействию былевой традиции. Сборники А. М. Листопада⁵ и Б. Н. Путилова⁶ дают исторические песни только казачества — донского и терского, отличающиеся значительным своеобразием. Рецензируемый сборник впервые дает массовому советскому читателю избранные русские исторические песни с необходимой полнотой, и в этом его несомненная ценность.

Перед составителем сборника стояла трудная и ответственная задача — из массы текстов исторических песен, разбросанных в различных сборниках и периодических изданиях, отобрать наиболее ценные в идейном и художественном отношении, раскрывающие действительную народную оценку истории и дающие представление о всем богатстве и разнообразии русских исторических песен. В общем с этой задачей составитель сборника Л. Шептаев справился. В сборнике представлены основные циклы исторических песен, освещающие важнейшие периоды русской истории. Они дают возможность проследить, как с изменением исторической действительности росло и изменялось сознание народа, а вместе с этим изменялся и самый характер художественного изображения исторических фактов и образов. Но в сборнике есть пробелы, иногда очень существенные; вызывает сомнение и выбор некоторых текстов.

Самый крупный недостаток сборника — отсутствие в нем исторических песен начала XX в., особенно песен о русско-японской войне и первой русской революции 1905—1907 гг. Историческая песня обрывается в сборнике на 60—70-х годах XIX в., которые Л. Шептаев считает концом русской исторической песни. По его мнению, создавать исторические песни могло только крестьянство. Когда же в связи с бурным развитием капитализма усиливается процесс классового расслоения крестьянства и передовым классом становится пролетариат, историческая песня перестает развиваться. Правда, Л. Шептаев оговаривается, что заканчивает свое развитие лишь крестьянская историческая песня (см. стр. 48), однако из всего дальнейшего рассуждения следует, что прекращается историческая песня вообще.

Л. Шептаев не видит, что русские исторические песни начала XX в., создававшиеся в своих лучших образцах под воздействием передовых революционных идей большевистской партии, являются качественно новым этапом в развитии народной исторической песни, принципиально отличным от старой крестьянской песни. Эти песни характеризуют несравненно более высокую ступень развития народного сознания и являются очень важным источником для понимания настроения широких масс

¹ Показательно, что первый сборник избранных исторических песен, предназначенный для учащихся, был составлен последователем революционных демократов 1860-х годов — И. А. Худяковым («Сборник великорусских народных исторических песен», М., 1860). Сборник был враждебно встречен реакционными кругами (см. например, рецензию А. Филонова в «Журнале Министерства народного просвещения», 1861, № 7).

² В. Ф. Миллер, Исторические песни русского народа. XVI—XVII вв., П., 1915.

³ М. Н. Сперанский, Былины. Русская устная словесность, т. II, изд. Сабашниковых, М., 1919.

⁴ «Северные исторические песни». Подготовка текста, статья и примечания А. Астаховой, Петрозаводск, 1947.

⁵ А. М. Листопад, Донские исторические песни, Ростов-на-Дону, 1946.

⁶ «Исторические песни на Тереке». Подготовка текстов, статья и примечания Б. Н. Путилова, Грозный, 1948.

трудящихся в годы подготовки и развития революции 1905 г. Признание их большого значения выражено в «Кратком курсе истории ВКП(б)», на страницах которого цитируется песня, показывающая отношение народа к царскому манифесту 17 октября 1905 г. Не отрицает это значение и Л. Шептаев, который пишет во вступительной статье: «Эти песни, выросшие в революционной борьбе, прекрасно раскрывают переживания, настроения и мысли народа» (стр. 49). Но он не дает анализа этих песен и не помещает их в сборник, так как не считает их историческими. По его мнению, они «не отражают ни исторических фактов, ни событий, ни лиц, давая только некоторые их контуры» (там же).

Это утверждение, искажающее историю развития русского народного поэтического творчества, явилось, вероятно, бессознательным отголоском еще не изжитых до конца взглядов буржуазных фольклористов, пренебрежительно относившихся к современному, прежде всего к рабочему фольклору и потому упорно говоривших о постепенной деградации и изживании исторических песен. Между тем исторические песни начала XX в. не только дают новое отношение к действительности, но в большинстве отличаются от старой крестьянской песни большей фактичностью и точностью в изображении описываемых событий. Достаточно сравнить хотя бы песни из раздела «Татаро-монгольское иго», в которых, за исключением песни о Шелкане Дуденеве, нет никаких конкретных исторических фактов и лиц, многие песни о Степане Разине, песню «Не шуми, мати зелена дубравушка» и другие, включенные Л. Шептаевым в сборник, с такими действительно историческими песнями, как песни о героической гибели «Варяга», о расстреле рабочих 9 января 1905 г. («Мы мирно стояли пред Зимним дворцом»), о подавлении восстания кронштадтских моряков, о восстании на «Очакове» и другие, чтобы увидеть, насколько неправ Л. Шептаев, утверждающий, будто в песнях начала XX в. нет ни исторических событий, ни лиц. В последних песнях конкретных фактов больше и описаны они более правдиво.

Развивая свою неверную точку зрения дальше, Л. Шептаев приходит к выводу, что нет и не может быть и советской исторической песни. «В советском народном творчестве этот процесс продолжается, и историческая песня сливается с лирической советской песней. Почти каждая лирическая песня нашего времени, не становясь исторической, дает определенное ощущение известного отрезка исторической эпохи» (стр. 49). Определенное ощущение эпохи дает любое произведение искусства любого времени, но это отнюдь не исключает существования и особых исторических жанров. Существуют и советские народные исторические песни. Достаточно назвать хотя бы песни о событиях и героях гражданской войны, которые, кстати сказать, в ряде случаев и создавались как исторические значительно позже описываемых в них событий, многие песни о Великой Отечественной войне и др. Нельзя, конечно, требовать включения этих песен в сборник, посвященный дореволюционной исторической песне, но нельзя говорить об их отсутствии. Отрицать существование советских исторических песен — значит противоречить истине и обеднять советское народное поэтическое творчество.

Есть в сборнике и более мелкие пробелы. Так, непонятно, почему нет в нем песен об Аракчееве, показывающих резко отрицательное отношение народа к всеяскому временщику. А ведь песню об Аракчееве, записанную А. С. Пушкиным, даже И. Бессонов поместил в собрании исторических песен П. В. Киреевского. Не включены в сборник и довольно распространенные в прошлом песни-плачи об Иване Грозном, Петре Первом и другие на том основании, что они будто бы не выражают народных взглядов. Правильно указав, что среди исторических песен, помещенных в старых сборниках, встречаются песни, созданные не в народной среде и дающие оценку событий с точки зрения господствующих классов, Л. Шептаев пишет: «Так же далеки от интересов крестьянства различные, позднее записанные песни-плачи о смерти царей и цариз» (стр. 7). Между тем в этих песнях выражены действительные, правда, очень ограниченные (что и неизбежно для той эпохи) чаяния и надежды крестьянства и казачества и их горькие жалобы на свою судьбу. В плачах же, формально обращенных к Екатерине II, дается подчас резко отрицательное изображение солдатчины при Павле I. Нет в сборнике и казачьих песен о пожаловании им Дона (или Терека) Иваном Грозным и некоторых других.

В то же время в сборнике есть песни малоценные и не характерные. Таковы некоторые песни о Разине (например, «Разин и персидская княжна у перевоза», стр. 165—166, имеющаяся только в последнем сборнике А. М. Листопадава, о Камской птице, приносящей руку казненного Разина, стр. 191—192, и т. п.), не дающие ничего для понимания образа Разина и народного взгляда на него. Слишком много песен о стрельцах, дающих неправильную оценку реакционного стрелецкого восстания и идеализирующих стрельцов. Что исторического в песне «Поп Емеля»? Не нужна песня «Старики мои стародавние», (стр. 212), которая озаглавлена «Москва при Петре Первом» и комментируется как песня, отражающая «снижение роли Москвы в первой половине XVIII века по сравнению с растущим Петербургом» (стр. 389—390). Смысл этой песни, известной в единственном варианте и, вероятно, неполном, ясен, а в народном сознании Москва всегда оставалась центром государства, его столицей. Напрасно включено в сборник исторических песен стихотворение Е. В. Зайцевой о Пугачеве «Из-за синих гор да высоких гор» (стр. 273—274). Сомнительна концовка песни «Как за барами жите было привольное», да и вся трактовка этой песни как пугачевской. В то же время в сборнике нет интересного варианта песни

о «Сынке» Разина, записанного В. А. Мясоедовой в Саратовской губернии, в котором «Сынок» оказывается Емельяном Пугачом. Песня свидетельствует, что в сознании народа Разин и Пугачев были тесно связаны.

При отборе народных произведений для массового издания иногда бывает очень трудно предпочесть какой-либо текст. Зачастую несколько вариантов отличаются каждый своими достоинствами и недостатками, и составитель с равными основаниями может поместить в антологию любой из них. Но выбранный текст должен быть лучшим в идейном и художественном отношении и к тому же наиболее типическим. Тексты, отобранные Л. Шептаевым, не всегда удовлетворяют этим требованиям. Так, нельзя считать типичным образцом песни о взятии Казани уникальный текст из сборника Кирши Данилова. Ни в каком другом варианте этой песни⁷ нет упоминаний о казанских царях и царице и пророческом сне, заставляющем вспомнить «Историю о Казанском царстве». Введение пророческого сна царицы существенно меняет идейный смысл песни — победа русских в ней (как и в повести) как бы предначертана уже заранее свыше, в народной же песне она является результатом полководческого искусства Ивана IV («Казань взял своим мудростям»), превосходства русского оружия и, что особенно подчеркивается в песне, результатом мужества, стойкости, поддержки и находчивости простых русских воинов — мастерочков-пушкарей. Именно эта песня (а не песня об угрозах шведского короля, как говорится на стр. 28) впервые показывает сильную русскую военную технику. В песне же Кирши Данилова новая военная техника не показана столь ярко, как в других вариантах, роль пушкарей затушевана другими деталями. К тому же в этом варианте есть ряд слов и выражений, идущих от древней письменной литературы и официальной терминологии XVIII в. и не встречающихся в подлинно народных песнях. Лучше было бы взять песню о Казани из сборника М. Д. Чулкова (или какой-либо другой вариант).

Неудачен и выбор песни «Иван Грозный и сын». Хороший вариант этой песни дан в сборнике М. Д. Чулкова, несколько высокохудожественных образцов ее есть в сборниках П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга. Архангельские варианты по сравнению с олонекскими менее художественны и менее ярко и правдиво дают образ Грозного. Выбранный же Л. Шептаевым текст далеко не лучший (да и не известно, насколько точно он записан). Нет в нем замечательной по психологической разработке сцены в церкви, нет и характерной концовки о Микитиной вотчине. К тому же только в этой песне (и в другой очень близкой к ней, записанной также в середине XIX в. в том же Шенкурском уезде) царевич носит имя Дмитрия, тогда как обычно речь идет о Федоре; замана имени царевича вызывает другие исторические воспоминания. Можно было подобрать и другой текст песни о Скопине, текст Кирши Данилова рисует Скопина как усмирителя всех непокорных «инородцев», с которыми он расправляется очень жестоко, благодаря помощи, данной по его просьбе шведским (т. е. шведским) королем Карлусом. В других же песнях Скопин рисуется как талантливый русский полководец-патриот, спасающий Русь от интервентов. Есть значительно лучшие варианты песен о «Сынке» Разина, о завещании Разина (просьба Разина похоронить его между трех дорог), о Краснощекове в плену у шведов и некоторые другие. Почему-то очень редко берет Л. Шептаев тексты из «песенника» М. Д. Чулкова, являющегося лучшим собранием исторических песен XVII—XVIII вв., и очень широко использует позднейшие записи А. М. Листопадава и других сборников казачьих песен, что привело к преобладанию именно казачьих вариантов. В сборнике нет исторических песен, созданных русскими поэтами и ставших подлинно народными (например, «Ермак» К. Ф. Рылеева, «Утес Степана Разина» Навроцкого, некоторые песни о Степане Разине Д. Н. Садовникова и др.). Надо было обязательно сказать об этих песнях хотя бы во вступительной статье, так как сближение с литературной песней — процесс, характерный для всей русской народной песни конца XIX — начала XX в., в том числе и для песни исторической.

В начале краткой вступительной статьи хорошо сказано о значении исторических песен как подлинно народной истории, об их боевом политическом характере. Правильно указывается, что исторические песни нельзя рассматривать как единый поток, что они создавались в целях политической агитации различными классами и социальными группами и что идеология господствующих классов оказывала известное воздействие и на трудящиеся массы, которое необходимо учитывать при анализе отдельных исторических песен. Правильно подчеркивается и ограниченность идеологии трудового крестьянства в прошлом. Очень важно, что Л. Шептаев отказывается от неверного традиционного взгляда на исторические песни как на эволюцию былин. Он указывает принципиальное отличие исторических песен от былин и рассматривает их как новый этап в развитии русской народной поэзии, вызванный к жизни новой исторической действительностью и изменившимся сознанием народа. Важно и указание, что историческая песня, возникшая сравнительно поздно, «вобрала в себя опыт различных жанров из многовекового поэтического творчества русского народа» (стр. 6), творчески переработав его, что историческая песня уже при самом возникновении была тесно связана с лирической песней (см. стр. 13). Но высказав в самом начале статьи эти важные положения, Л. Шептаев в дальнейшем забывает о

⁷ «Былины» А. М. и М. С. Крюковых не могут приниматься в расчет, они являются, как это теперь точно доказано, переработкой песни Кирши Данилова.

них и не только не развивает их на конкретном материале, но часто высказывает прямо противоположные им суждения. Неточных и противоречивых, а порой неверных формулировок в статье, к сожалению, немало.

Правильно, в основном, раскрывая смысл отдельных песен и их образов, Л. Шептаев не смог четко показать характерные черты исторических песен на разных этапах их развития. Сказав о принципиальном отличии исторических песен от былин, он дальше утверждает близость ранних исторических песен к былинам и процесс их развития рисует по-старому формалистически в виде постепенного изживания приемов былинной поэтики и сближения с лирической песней, что и приводит в результате будто бы к растворению исторической песни в лирической, к исчезновению ее как таковой. Между тем основной вопрос заключается в том, как отражают песни историческую действительность, какую ступень в развитии сознания народа они выражают, что же касается соотношения эпоса и лирики, то надо сказать, что уже с самого начала создаются исторические песни и лирические, и эпические, и сам Л. Шептаев правильно характеризует песни периода татаро-монгольского ига — начальный этап развития наших исторических песен — как лирические. Лирическими же являются в большинстве и песни о Степане Разине. Говоря же о близости к былинам песен об Иване Грозном, Л. Шептаев совершенно игнорирует лирические песни о пожаловании казакам Дона (Терека) и плачи о Грозном, а разбор песни о Казани строит на основе уникального, нетипичного варианта Кириши Данилова. Неверно и утверждение, будто «и былина и историческая песня в народе называются одинаково — старина или старинка» (стр. 11). Так исторические песни (и только песни XVI—XVII вв.) называются только на очень ограниченной территории европейского Севера, где сильна былевая традиция, повсюду же они не отделяются от песен и исполняются, как песни. Л. Шептаев вообще совершенно не учитывает — и это существенный недостаток его статьи — областные традиции и областные стили, а в песнях XVI—XVII вв. областные различия сказываются очень сильно. Ничего не говорит он о районах распространения тех или иных песен.

Неясно остается, каковы характерные особенности образов исторических песен и в каком направлении они развиваются. Так, на стр. 12 Л. Шептаев совершенно правильно говорит, что исторические песни реалистичны, что они дают «бытовые и социально-исторические конфликты, типичные только для данной эпохи и для данного события», и что «в песне во весь рост встают конкретные исторические личности: Иван Грозный, Ермак, Степан Разин, Пугачев, каждый со своими социально-психологическими чертами и определенными биографическими данными». А позже об образе Суворова сказано: «песня дает блестящий образ Суворова. В этом цикле мы наблюдаем уже незначительную долю вымысла, фантастики и ненужной затейливости. Песня правдиво отражает отдельные черты гениального русского полководца» (стр. 31). Следовательно, до этого времени историческая песня была фантастической, а не реалистической, и не давала правдивых образов исторических деятелей. А еще дальше, говоря об образах Кузозова и Платова, Л. Шептаев пишет: «Теперь (т. е. только с начала XIX в.) в герое раскрываются и личные его черты» (стр. 42). Как же согласовать эти утверждения? А ведь, например, образ Грозного в народных песнях сохраняет больше ярких индивидуальных черт исторического Ивана IV, чем, например, образ Платова. Что же касается ненужной затейливости, то ее в русских исторических песнях, как и во всякой подлинной народной поэзии, нет и никогда не было.

Непонятна формулировка: «Принципиально новым в песнях об Отечественной войне 1812 года является также отчетливое проявление в этом цикле черт трудового социального сознания крестьянства. Песни строятся теперь на ощущении острых социальных противоречий. Основным спасителем Отечества являются не генералы, как в песне XVIII века, а сами народные массы» (стр. 42). Спрашивается, чье же сознание, как не сознание трудовых масс и прежде всего крестьянства, выражала историческая песня раньше? Ведь вся статья говорит, и правильно, что старая историческая песня — песня в основном крестьянская. Неверно будто до начала XIX в. песня не давала острых социальных конфликтов; острые социальные конфликты давала уже песня XVI в. Нельзя говорить, что в песнях XVIII в. спасителями Отечества выступают генералы. Спасителями Отечества в русских исторических песнях, как правило, всегда выступают представители народа, и в этом проявляется демократизм песен, их подлинная народность. Достаточно напомнить хотя бы песню о взятии Казани, где героями являются простые пушкарки, песню о Кострюке, где побеждают Кострюка простые русские люди, или петровские песни о взятии Азова и Орешка (Шлиссельбурга), в которых простые солдаты и казаки прямо противопоставляются «генералам» и «сенаторам», советуя им отступить от города (в разбираемый сборник эти песни почему-то не включены).

Л. Шептаев старается в своей статье показать (правда, очень нечетко), что сознание народа все время развивалось и изменялось и это сказывалось и на характере исторических песен. А на стр. 6 он утверждает неизменность народного сознания, заявляя буквально словами А. Н. Веселовского (но не называя его), что песня «ценна правдой вековых идеалов». Эти слова можно понять только так, что народные идеалы, когда-то возникнув, впоследствии не меняются и не развиваются.

Подобных неясных и противоречивых формулировок в статье, к сожалению, немало. Так, на стр. 44 автор пишет о песнях 1812 г.: «Патриотический подъем создаст

песню с широким обобщением событий... В песнях же, созданных солдатской средой, мы видим конкретизацию событий, характеризующихся с точки зрения участника, что делает песню своеобразным безыскусственным рассказом — воспоминанием о сражении» (стр. 44). Что значит такое противопоставление? Разве «солдатская среда» не испытывала в 1812 г. патриотического подъема? И разве песни-рассказы о конкретных событиях не могут выражать патриотический подъем? Из приведенного рассуждения следует неверный вывод, будто песни о конкретных событиях складывались только солдатами, песни же, дававшие обобщенное изображение событий, — широкими народными массами (какими? и разве солдаты не народ?).

Непонятно определение, данное в самом начале статьи: «Историческая песня — это своеобразная историческая беллетристика и поэзия нашего народа» (стр. 5). Определение это ничего не дает; непонятно, что значит «беллетристика и народная поэзия».

Приведенные примеры, а их можно умножить, свидетельствуют, что статья не доработана до конца и что развитие и характер исторических песен не представлены в ней достаточно отчетливо. А это снижает ценность очень нужной книжки и свидетельствует о недостаточной работе над сборником редактора и издательства.

В. Соколова

Таджикский филиал АН СССР. *Труды*, т. XXIX. История, археология, этнография, язык и литература. Сталинабад, 1951.

Известно, что специальных исследований по истории таджиков до революции было крайне мало и сведения о таджикском народе в виде кратких и отрывочных, иногда малодостоверных упоминаний встречаются лишь в отдельных исторических источниках.

Русские ученые написали немало работ по историографии Таджикистана и таджиков, но подлинное изучение истории и культуры таджикского народа началось только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Советский государственный строй создал все условия для развития исторической науки, дал возможность советским ученым развернуть всесторонние исследования в области изучения истории всех народов СССР. Результатом деятельности советских ученых явилось накопление нового обширного материала, позволившего впервые широко и научно осветить процесс исторического развития народов Советского Союза, в том числе и таджикского народа.

В области изучения истории, археологии и этнографии таджикского народа в братском содружестве работают советские ученые — русские и таджики. В числе многих работ советских ученых, посвященных истории таджиков, за последние годы наиболее крупными являются книга Б. Гафурова «История таджикского народа» и первый том «Трудов Согдийско-таджикской экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР и Государственного Эрмитажа» под редакцией А. Ю. Якубовского, дающий новые археологические материалы по Таджикистану.

В 1951 г. вышел подготовленный Институтом истории, языка и литературы и представляющий большой научный интерес XXIX том «Трудов» Таджикского филиала АН СССР, ставшего теперь Академией наук Таджикской ССР. Этот том представляет собой сборник статей, характерную особенность которых составляет не только публикация новых материалов по разнообразной тематике, но и подведение как бы итогов разносторонней работы советских ученых в области изучения истории таджикского народа. В «Труды» включены статьи историко-археологические, этнографические и лингвистические. Часть их является исследованиями, часть же представляет собой публикацию новых материалов с соответствующим освещением их.

Книга начинается исследованием члена-корр. АН СССР и действительного члена АН Таджикской ССР А. Ю. Якубовского «Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии» (стр. 3—17). Проследив историю изучения вопроса, автор отмечает, что исследователи этой темы в досоветское время стояли на «идеалистических и формалистических позициях», занимались изучением лишь «исторической топографии», не ставили, да и не могли еще ставить, а тем более разрешить «проблему социально-экономического содержания городской жизни». Только советская археология, указывает автор, «смогла в своих работах подойти к изучению прошлого среднеазиатских городов исторически, причем научно исторически, т. е. марксистски».

Основываясь затем на новых археологических материалах, полученных в результате раскопок древних городов — Термеза, Топрак-кала и Пянджикента, А. Ю. Якубовский вскрывает закономерности развития среднеазиатских городов, дает периодизацию их истории, разделяя города по стадии развития на античные, дофеодалные и феодальные. Анализируя развитие среднеазиатского города от эпохи рабовладельческого общества (III в. н. э.) до XI в. н. э., автор показывает перестройку городов на территории среднеазиатского Междуречья, где в X—XI вв. «если не закончился, то во всяком случае в основных линиях определился процесс сложения и оформления типичного феодального города Средней Азии».